

СЦЕНЫ ТЕРЗАНИЯ В СКИФО-СИБИРСКОМ И ХУННО-САРМАТСКОМ ИСКУССТВЕ

Т. Н. Троицкая

Spreading and manner of description of torture scenes in scythian-siberian and hun-sarmatsky art of wild animals style are analysed. Irregularity of this phenomenon in territorial and chronological aspects is stated. It is connected with the development and spreading of ideology and cultural influence of scythian and hun communities.

Скифское искусство звериного стиля существовало на широкой степной территории от Дуная до Ордоса. Для него характерны различные образы и сюжеты, в частности терзания животными друг друга (чаще всего хищниками копытных). Сцены терзания отражали идеологию воинственных племен, чья жизнь заключалась прежде всего в набегах, занятиях кочевым скотоводством и охотой. Однако распространение таких изображений в скифо-сибирском мире было неравномерным территориально и хронологически. Автор данной статьи ставит своей целью проследить характер этого явления.

Наиболее ранние сцены терзания отмечены на предметах из скифских курганов VI в. до н. э. Одна из них, выполненная в малоазийском (греко-ионийском) стиле, представлена на зеркале Кермесского кургана [Артамонов, 1966, табл. 29]. Возможно, произведением местного искусства является бляха из Большого Ульского кургана с орлиноголовым грифоном, который терзает козла [Руденко, 1962, с. 34, рис. 40]. Особенно широко распространены подобные сюжеты в материалах V и IV вв. до н. э., в это время массовое производство изделий в скифском зверином стиле перешло к греческим мастерам и в сценах терзания зверей явно стали преобладать черты античного изобразительного искусства. Это четко видно на серии треугольных пластин — накладок на деревянные ритоны из Семибратних курганов, которые, по мнению М. И. Артамонова, датируются второй четвертью и серединой V в. до н. э. [Артамонов, 1966, табл. 116, 118, 120]. Здесь же была найдена уздечная бляха, выполненная в виде фигур лежащего льва и вонзившегося в его спину хищника [Там же, табл. 158]. Греческой работой является накладка на ножны из кургана V в. до н. э. у с. Ильичево с изображением нападения на оленя [Бондарь, 1975, разд. 1].

Еще больше таких сцен известно на изделиях, изготовленных греческими мастерами на скифский вкус и обнаруженных в царских курганах IV в. до н. э. Это ритуальная чаша из Солохи, покрытая тремя рядами изображений львов, терзающих копытных животных [Артамонов, 1966, табл. 158]. В типичной греческой манере переданы фигуры грифонов, напавших на оленя, на вазе и обкладке ножен из Чертомлыка [Там же, табл. 161, 170]. Это же можно сказать о широко известных сценах нападения грифонов на оленей на браслете и обкладке ножен из Куль-Обы и терзания на серебряной вазе отсюда же [Там же, табл. 237, 246]. Подобные изображения украшают обкладку ножен и пектораль из Толстой могилы [Бондарь, 1975, разд. 1], изделия из Елизаветинских курганов, навершия из Красного Кута [Артамонов, 1966, рис. 123, 145] и др., все отличаются художественностью и реалистичностью. Наиболее поздними являются ажурные пластины из Александропольского кургана рубежа IV–III вв. до н. э., выполненные в плоскостном и схематическом стиле [Там же, с. 68, 69, рис. 131]. Поскольку сцены терзания дошли до нас в основном в греческом исполнении, а другие сюжеты широко представлены скифскими работами, ряд исследователей полагает, что мотивы борьбы зверей были заимствованы скифами у греков [Мелюкова, 1989, с. 103].

В лесостепной части Скифии изделия звериного стиля представлены достаточно полно, причем основная их часть выполнена местными мастерами. При многообразии сюжетов сцены терзания фактически отсутствуют в материалах с VII по V вв. до н. э. В IV в. до н. э. в Среднем Поднепровье наблюдается упадок собственного художественного творчества под воздействием искусства степной Скифии и Боспора. Появляются мотивы терзания с участием львов, грифонов и оленей, изображенных в греческой манере [Шкурко, 1976, с. 99]. А на территории Среднего Подонья, где сохраняются местные традиции, известно лишь несколько сцен терзания [Там же, с. 103, рис. 5, 9, 10], выполненных в весьма оригинальной манере на застезках, близких к савроматским. Столь малое их распространение, скорее всего, можно объяснить более мирными занятиями населения, развитием здесь земледелия.

В III в. до н. э. в Скифии звериный стиль прекращает свое существование. Это было связано с изменениями в жизни скифского общества: складывается небольшое, но прочное позднее скифское государство, возрастает значение земледелия. Исчезает идеологическая база для развития звериного стиля.

Удивляет, что сцены терзания слабо представлены в ярком савроматском искусстве звериного стиля. Как указывает К. Ф. Смирнов, они известны лишь на нескольких предметах из Южного Приуралья [Смирнов, 1976, с. 78]. Это бляшки с двумя борющимися верблюдами, головами хищников, заглатывающих друг друга, и орлом, терзающим какое-то животное [Там же, с. 81, рис. 3, 3; с. 83, рис. 4, 17; с. 84, рис. 5, 7]. Как и в Скифии, к III в. до н. э. звериный стиль здесь исчезает. Возрож-

дение его (а с ним и сюжетов терзания) относится к рубежу I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. и связано с восточным, хуннским влиянием. Одна из сцен дана на парных поясных пряжках из кургана под Запорожьем, который А. П. Манцевич датирует II в. н. э. [Манцевич, 1976, с. 164–193, рис. 4]. На них изображено терзание быка двумя рогатыми хищниками. Следующая сцена представлена на двух одинаковых фаларах из Садового кургана под Новочеркасском, содержавшего разграбленное царское погребение рубежа эр [Клейн, 1976, с. 228–234, рис. 1, 1]. В центре каждого из них показано нападение орлиного грифона на какое-то животное. Л. С. Клейн видит аналогии этой сцене в более реалистичном изображении на прямоугольной пряжке из Сибирской коллекции Петра I, которую датирует III–I вв. до н. э. Третья сцена дана на фаларе из Воздвиженского кургана на Кубани [Смирнов, 1976, с. 87, рис. 7, 1]: шесть голов хищников с длинными шеями, трое из которых вонзились в стоящего в центре козла, а двое — друг в друга. Аналогии мне неизвестны. Не исключено, что фалар был получен как трофей в одном из сарматских походов.

В Средней Азии на территории саков и массагетов звериный стиль был распространен достаточно широко, но сцены терзания пока не известны. Зато они хорошо представлены в тех регионах, откуда происходят предметы Сибирской коллекции Петра I. К сожалению, точной географической привязки она не имеет. Как полагает большинство исследователей, сборы производились в степной полосе от Ишима до Горного Алтая и предгорий Тарбагатая, включая верхнее течение Иртыша и Оби. Это районы бытования тасмолинской, саргатской, большебереченской, пазырыкской и других культур Алтая и Восточного Казахстана. Не имея возможности связать находки с конкретными территориями, рассмотрим коллекцию в целом [Руденко, 1962].

Среди ее материалов — 24 бляхи и один браслет. В основном это крупные поясные парные бляхи, имеющие P-образную, прямоугольную и круглую формы. На них представлены сцены терзания с участием двух, трех и даже четырех животных. Жертва — чаще всего копытное животное (лошадь, верблюд, yak, кабан, фантастическое копытное), нападающие — кошачий хищник, ушастый орел или змея. С. И. Руденко датирует бляхи V–IV и IV–III вв. до н. э.

К предполагаемым районам сбора материалов Петровской коллекции относятся ареалы тасмолинской и саргатской культур. Среди тасмолинских есть изделия, выполненные в зверином стиле, но сцены терзания на них отсутствуют. Лишь в могильнике Карамурун 2 найдена бронзовая пряжка с изображением борьбы кошачьего хищника и верблюда. М. К. Кадырбаев датирует ее в пределах IV–III вв. до н. э. и считает изделием местных мастеров, указывая на аналог — случайную находку под Челябинском [Кадырбаев, 1966, с. 399, рис. 64]. Как мне кажется, карамурунская бляха является более поздней, о чем свидетельствуют заключение сцены в прямоугольную рамку и обнаруженные вместе с данным изделием железные наконечники стрел [Там же, с. 364, рис. 55]. Она связана, скорее всего, с восточной, хуннской, а не скифской волной.

К саргатской культуре относится несколько блях со сценами терзания, происходящих из Прииртышья. В могильнике Богданово 1 (III–II вв. до н. э.) [Могильников, 1992, табл. 124, 50] найдены две одинаковые бронзовые бляшки с изображением кошачьего хищника, пасть которого лежит на голове барана или козла, последняя плохо различима из-за неоднократности отливок по оттиску бляхи в глине. На пряжке из Барабы (могильник Протока) [Молодин, 1992, с. 103, рис. 100] показан кошачий хищник, напавший на поверженного барана. Сцена выполнена в классическом зверином стиле. Необходимо указать, что пряжка была обнаружена в погребении лесной новочекинской культуры, к носителям которой попала, видимо, в результате обмена с соседями — населением саргатской культуры. Наиболее впечатляют две парные поясные золотые пластины из саргатского кургана у с. Сидоровки. На них изображена борьба тигров с драконом. В. И. Матющенко датирует погребение с пластинами в пределах III–I вв. до н. э. [Матющенко, 1989]. Указанные изделия явно связаны уже не со скифским, а с хуннским кругом.

Следующим регионом, в материалах из которого хорошо представлены сцены терзания, является Горный Алтай. Вещи из Пазырыкских, Башадарских курганов и Катанды широко известны, потому не будем их подробно описывать. Обращает на себя внимание тот факт, что все изображения выполнены на войлоке и дереве, а не на металле. Это позволяет предполагать, что и в других районах (например, в Казахстане) существовала традиция передачи сцен терзания на органическом материале, вследствие чего они не дошли до нас. На изображениях с Алтая, как и из других мест, нападающими являются львиноголовые и орлиноголовые грифоны и кошачьи хищники, а объектом нападения — копытное животное. Оригинальны головы грифонов, в пасти которых помещена голова оленя. Мотив терзания присутствует в материалах недавно исследованного на Горном Алтае могильника Ак-Алаха, который Н. В. Полосьмак датирует V–IV вв. до н. э. [Полосьмак, 1994, с. 66]. На деревянной части гривны показаны два идущих навстречу друг другу кошачьих хищника и объемная голова оленя между ними [Там же, с. 35, рис. 28]. Самая поздняя сцена терзания на Алтае представлена в могильнике Уландрык III в. до н. э. [Кубарев, 1987, с. 270, рис. 28, 9]. На деревянной диадеме изображены два оленя, каждого из которых терзает рогатый кошачий хищник.

Из Верхнего Приобья, с территории распространения большебереченской культуры, происходят три бронзовые бляшки со сценами терзания: одна из могильника IV в. до н. э. Новый Шарап 1

[Троицкая, Бороодовский, 1994, табл. 18, 1] и две случайные находки. На двух из этих блях кошачий хищник (с рогами или без них) стоит над головой горного барана, положив свою морду на его рог. Такую сцену лишь условно можно назвать терзанием. На третьей бляшке хищник терзает не голову, а животное целиком. Во всех этих изображениях можно видеть влияние искусства Горного Алтая.

Изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, известны и в тагарской культуре. А. И. Мартынов, анализируя ее искусство, отмечает отсутствие групповых сцен, в том числе терзания [Мартынов, 1979, с. 119]. Однако из района Минусинской котловины происходит несколько бляшек с изображением кошачьего хищника, открытая пасть которого захватывает голову козла или барана [Дэвлет, 1980, с. 9, рис. 4]. Возможно, появление данного изображения объясняется влиянием южного горного населения. Сцены терзания, относящиеся к III–I вв. до н. э., связаны уже с восточным, хуннским воздействием, прототипов им в тагарском зверином стиле нет [Там же, с. 18]. Это заключенные в рамку прямоугольные поясные бляхи, на одиннадцати из которых показана борьба двух коней [Там же, № 24–34] и на одной — терзание хищником копытного животного [Там же, № 42].

В Туве сцены терзания встречены не менее чем на девяти изделиях из курганов раннего железного века [Грач, 1980, рис. 36, 1; 62, 1; 68; 110, 1; и др.]. Самая ранняя из них (VII–VI вв. до н. э. по А. Д. Грачу) выполнена на костяном гребне: два кошачьих хищника нападают на стоящего оленя. На остальных бляшках и ручке зеркала переданы борьба двух хищников и хищник, терзающий голову барана или козла. Имеются и графические сцены. На зеркале из Мажалыка-Ховузу 1 (IV–III вв. до н. э.) процарапана фигура хищника с лошадиными копытами, грызущего голову барана [Там же, рис. 113, 2]. На петроглифе Овюр 3 изображены горный козел и два волка (собаки?), один из которых впился в спину козла [Там же, с. 88]. В прилегающей к Туве северной части Монголии у г. Мурена открыт олений камень, на котором запечатлено нападение хищников на лошадь [Волков, Новгородова, 1971, с. 460, 461]. Все это говорит о том, что горные массивы Тувы богаты изображениями с сюжетами терзания. Подобная сцена — борьбы орлиноголового ушастого грифона с кошачьим хищником, — но уже в хуннском стиле, обнаружена на бляхе из могильника Урбюн 3, датированной II–I вв. до н. э. [Савинов, 1969, с. 106, рис. 51].

Самая северо-восточная находка со сценой терзания — мазурукская на Верхней Лене, изданная А. П. Окладниковым, который относит ее к “концу пазырыкского времени”. На ней представлена борьба горного козла с кошачьим хищником [Окладников, 1946, с. 185–188].

Восточный регион распространения скифо-сибирского звериного стиля — Забайкалье, Северная Монголия и Ордос. О наличии в местном искусстве скифского времени сцен терзания можно судить по следующим находкам. Прежде всего это бляха из Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), входящая в состав Петровской коллекции [Руденко, 1962, табл. IV, 2]. На P-образном изделии изображены лошадь с рогами и клювом и вцепившийся в ее грудь хищник. В тулово лошади вписаны голова крупного грифона, заглатывающая голову барана, и небольшой грифон с оперением. Свободного места на теле лошади нет. Подобная манера изображения характерна для скифского искусства и является достаточно ранней. Другие находки — бронзовые ордосские бляхи, на которых показаны сцены борьбы грифона (ушастого орла) и хищника за повергнутое копытное животное [Дэвлет, 1980, с. 6, рис. 1, 6, 11]. На этих изделиях явно повторяются изображения аналогичной борьбы, присутствующие на бляхах из Петровской коллекции [Руденко, табл. IV, 3; V, 5], причем ордосские являются более поздними и отличаются схематизацией и меньшей художественностью исполнения. Здесь, в местах обитания хуннов, под воздействием скифо-сибирского стиля складывается самобытное искусство звериного стиля, среди сюжетов которого отмечаются сцены терзания животных. Это изображения борьбы лошадей, хищников с грифоном, нападения на копытных животных [Дэвлет, 1980, рис. 1, 6, 8–11; 3, 2, 4, 6]. Подобные сцены запечатлены и на войлочных коврах из Ноин-Улы [Руденко, 1962, табл. 42–45].

В самом конце I тыс. до н. э. с передвижением на запад самих хуннов их культурное влияние начинает широко распространяться, но это уже не скифо-сибирский, а хуннский звериный стиль. Сцены терзания в этом стиле представлены на изделиях из Тувы, Минусинской котловины, Западной Сибири и районов расселения сарматов в Северном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. *Сокровища скифских курганов*. Прага; Л., 1966.
Бондарь И. В. *Древнее золото. Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР*. М., 1975.
Волков В. В., Новгородова Э. А. *Археологические исследования в Монголии // АО 1970 года*. М.: Наука, 1971.
Грач А. Д. *Древние кочевники в центре Азии*. М., 1980.
Дэвлет М. А. *Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. — I в. н. э. // САИ. 1980. Вып. Д4-7.*

- Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Клейн Л. С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве Евразии. М., 1976.
- Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Манцевич А. П. Находки в запорожском кургане // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве Евразии. М., 1976.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Матющенко В. И. Погребение воина саргатской культуры // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и филологии. 1989. № 1.
- Мелюкова А. И. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Могильников В. А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
- Окладников А. П. Новая скифская находка на Лене // СА. 1946. Вып. VIII.
- Полосьмак Н. В. "Стережущие золото грифы". Новосибирск, 1994.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М., 1962.
- Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1976. Вып. 119.
- Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве Евразии. М., 1976.
- Троицкая Т. Н., Бороодовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве Евразии. М., 1976.

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет